

Г.Х. Самигулов

Россия, Челябинск

Южно-Уральский государственный университет

«Этнонимы» как социальные термины: Зауралье XVII века

Среди различных не очень хорошо изученных, или спорных моментов истории Урала и Зауралья XVII в. особняком стоит вопрос интерпретации этнического состава нерусского населения этих территорий. Можно вспомнить противоречивые оценки этнического состава ясачного населения Верхотурского уезда в работах П.Н. Буцинского [Буцинский, 1889, с. 4] и Б.О. Долгих [Долгих, 1960, с. 21–24]. Или попытки определиться с этнической принадлежностью ясачного населения по р. Тура в работе того же Б.О. Долгих [Долгих, 1960, с. 33–34]. Или споры о сословной и этнической составляющей понятия «башкиры».

Представляется, что вопрос об интерпретации понятий «башкиры», «вогулы», «татары», встречающихся в документах XVII в., должен быть тесно увязан с вопросом административного деления территорий, недавно вошедших в состав Российского государства и социальной структуры российского общества¹. Россия XVI – XVII вв. являлась сословным государством. И одно из сословий составляли ясачные люди. На территории, включенной в состав Московского государства во второй половине XVI в., в последние два десятилетия этого столетия были сформированы новые уезды. В рамках каждого из этих уездов использовалось свое обозначение ясачных людей, плативших ясак именно здесь. В Уфимском уезде ясачное население носило общее название «башкиры», в Тюменском и Туринском – «татары», в Верхотурском – «вогулы». Это, разумеется, не отменяет этнического «наполнения» этих терминов, используя их в качестве соционимов, власти как раз отталкивались от того, что в составе ясачного населения уезда имелась представительная группа людей, чья этническая принадлежность обозначалась как «башкиры», «вогулы» или «татары». Таким образом, каждый из указанных терминов имел как этническое (надэтническое) наполнение, так и социальное.

Использование этнонимов (или тех слов, которые мы сегодня воспринимаем как этнонимы) в качестве соционимов, то есть обозначений сословных групп ясачного населения, не означает, что эти сословные группы были этнически монолитны. Скорее, наоборот, в состав ясачного населения каждого уезда могли входить представители различных этносов, но в совокупности они обозначались как некая единая общность. Объединяющим признаком была уплата ясака в конкретном уезде. Эта ситуация и породила последующие противоречия при интерпретации материалов XVII в. Но сами противоречия возникают лишь в силу нашего стереотипного восприятия – мы упорно признаем за «этнонимами» только то смысловое наполнение, к которому мы привыкли. Если говорится в документе XVII в. о татарах, значит это были «этнические» татары. Если написано о вогулах, значит, мы интерпретируем это население как предков нынешних манси. Причем зачастую такая интерпретация выглядит весьма искусственно, в силу противоречивости содержания архивных материалов.

Наверное, наиболее ярко противоречивость источников в отношении обозначения принадлежности местного населения проявилась в материалах Верхотурского уезда. В рамках тезисов именно эти примеры и приведу. У А.А. Дмитриева опубликованы данные по сбору ясака в Верхотурском уезде 1626 г.: «Верх Уфинские татаровя – сотник Илцыбай Тулубаев, а у него в сотне ясашных Вагулич: Сыбай, Беклыбай, Менлыбай, Менлокозя, Сарка, Бекозя, Сырник, Церебай, Безкозя, Ешкозя... И всего Верх-Уфинских татар 17 человек» [Дмитриев, 1897, 173]. Дмитриев по этому поводу пишет в примечании, что «Вероятно, здесь допущена ошибка переписчиком: следовало сказать ясашных Татар, а не

¹ Здесь необходимо сделать оговорку – я знаком с точкой зрения Р. Фриза и Б.Н. Миронова, что сословий в России XVI–XVII вв. не существовало, и сословная система формируется лишь в имперский (императорский) период. На мой взгляд, причинами появления такой точки зрения является слабое знакомство авторов с материалами XVI–XVII вв. и попытка судить о ситуации этого периода сквозь призму реалий XVIII–XIX вв., что является системной ошибкой.

Вогулов» [Дмитриев, 1897, 173]. Но мы обнаруживаем настойчивость в интерпретации жителей Вер-Уфимских волостей именно как «вогулов» со стороны администрации Верхотурского уезда XVII в. В грамоте из Сибирского приказа верхотурскому воеводе В.Л. Корсакову сказано: «Верхотурского уезду Верх-Уфинские волости ясачных башкирцов, сотника Ишимбайко Кулушева с товарищи...», а в конце документа приписка, сделанная в Верхотурье о получении грамоты: «147-го мая в 23 день подал вагулятин Ишинбайко» [МИБ, 1936, с. 72–73]. То есть сами жители волости в челобитной себя называли башкирами, а для верхотурских властей они прежде всего ясачные вогулы, а если речь идет об интерпретации этнической, то их могут обозначить как татар, но ни в коем случае не башкир. Почему? Потому, что башкирами называлось ясачное население соседнего Уфимского уезда.

Прочитую еще пару характерных документов: «...прислали под отпиской челобитную, Верхотурского уезду наших ясачных волостей, Лозвинские, Сосвинские, Вагринские, ясачных вагулич Богдашка Криворотов с товарищи» [АИ, Т. III, с. 313]; 1613 г. мая 10, царская грамота верхотурскому воеводе Годунову: «лутчих Вагулских сотников, Кумыча Байтерека, Богдашка Орлика, в город привел, и их сотен вагулич, во многих юртах, по их вере к шерти привел» [АИ, Т. III, с. 1]. Интерпретировать этническую принадлежность Кумыча Байтерекова как манси, достаточно сложно – у него даже не мусульманские, а тюркские имя и отчество. Богдан Криворотов (он же, видимо, Богдашка Орлик) скорее из славян. Тем не менее, оба обозначены в документе как «лутчие вагульские сотники». Наличие среди ясачных людей Верхотурского уезда рассматриваемого времени русских не является открытием. По подсчетам Б.О. Долгих, в 1710 г. было 74 плательщика ясака из русских [Долгих, 1960, с. 23]. Непривычным является лишь тот факт, что в документах XVII в. эти русские плательщики ясака обозначаются как «ясачные вагуличи». Но это вполне вписывается в ту схему, о которой было сказано выше.

Характерно, что Верхотурский уезд первым из перечисленных пережил такое явление как переход части ясачного населения в ведение соседних уездов, в первую очередь, Уфимского. В современных работах можно встретить утверждения, что ясачное население Сынрянской, Чусовской, Терсятской волостей ушло со своих территорий. Места «ухода», как и временные рамки этих событий, обозначают по-разному. Но примечательно, что в реальности ясачное население перечисленных (и ряда других) волостей никуда не уходило. Они оставались на тех же территориях, но ясак платили уже не на Верхотурье, а в Уфу. И считали себя башкирами Сибирской дороги Уфимского уезда, хотя территории их волостей находились в границах Верхотурского или Тобольского (с 1671 г. земли Сынрянской волости входили именно в этот уезд) уездов. Если описать эту ситуацию в терминах, о которых идет речь, то население перечисленных ясачных волостей перешло из группы «ясачных вогулов» в группу «башкир». По этой причине документов по населению Терсятской, Сынрянской, Чусовской волостей за 1660-е–1700-е гг. в фондах Верхотурской или Тобольской приказной избы практически не отложилось. А в фондах Уфимской приказной избы их особо и не искали. Мои выводы основываются на архивных источниках: документы с описанием границ Салзатской (Чусовской) волостей приведены в сборнике «Горная власть и башкиры» [Корепанов, № 2, 8], описание границ Сынрянской волости 1673 г. процитировано в одной из моих статей [Самигулов, 2011].

Показать ситуацию более широко и при этом доказательно, в рамках кратких тезисов сложно, поэтому я ограничился приведенным материалом. Использование этнонимов в качестве обозначения сословных групп в Зауралье не ограничивается XVII в. Тема дискуссионна, но представляется достаточно перспективной для дальнейшей разработки. В частности, интересен вопрос влияния сословных групп на формирование идентичности.

Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией [АИ]. Т. III: 1613–1645. СПб., 1841. 537 с.

Буцинский П.И. Заселение Сибири и быт ея первых насельников. Харьков, 1889.

Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. 7. Пермь, 1897. 268 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

Корепанов Н.С. «Горная власть» и башкиры. [Электронный ресурс]

<http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/111b2.html>.

Материалы по истории Башкирской АССР [МИБ]. Часть I. М.-Л., 1936.

Самигулов Г.Х. Тюрки Южного Зауралья в конце XVI – первой половине XVIII в.: консолидация/разделение – к постановке вопроса // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2011. С. 127–131.